

Леонтьев Константин Николаевич

**Национальная политика, как
орудие всемирной революции**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Николаевич Л.**
Национальная политика, как орудие всемирной революции / Леонтьев Константин Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 48 с.

ISBN 978-5-519-93176-2

ISBN 978-5-519-93176-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

говорите также по этому поводу и о христіанствѣ. *Долга* *своевольной* индивидуальной проповѣди христіанство не признаетъ. Церковь отъ вѣрующаго *такого* долга не требуетъ: она, вы знаете, требуетъ совсѣмъ иного, скорѣе противоположнаго. Не надо писателю - христіанину воображать себя слишкомъ полезнымъ даже и тогда, когда его труды ни прямо, ни косвенно не противорѣчаютъ церковному ученію.

Значить—строгой религіозной *обязанности* писать политическія статьи, даже и крайне консервативнаго духа, не существуетъ... Простительно, положимъ, было бы увлеченіе; но для подобнаго увлеченія нужна, повторяю, та иллюзія, которую можетъ дать только огромная популярность. Подобной иллюзіи у меня нѣтъ, вы это знаете. Ея и быть не можетъ. Зачѣмъ же мнѣ принуждать себя къ писанію? Зачѣмъ твердить все то же? Въ Россіи, которую мы съ вами оба такъ любимъ, *въ обществѣ* дѣла теперь идутъ довольно хорошо. Признаковъ утѣшительныхъ, общающихся все бѣдшую и большую независимость духа нашего отъ либеральнаго (т. е. революціоннаго) Запада, пока очень много. Прочно ли все это, покажетъ будущее, котораго мнѣ уже *не увидать!* Значить, если Богу угодно, обойдутся отлично и безъ насъ. Если же Богу *не угодно*, чтобы всѣ эти добрыя (антилиберальныя) начинанія наши принесли въ этомъ будущемъ богатые и прочныя плоды, то что же мы-то съ вами можемъ противу этого слѣловать,—особенно я, на краю могилы?

Итакъ, въ случаяхъ подобныхъ этому, у меня нѣтъ ни свѣше предписаннаго долга, ни иллюзіи.

Остается охота или неохота и—больше ничего! Не грѣхъ, конечно, писать о чемъ-нибудь въ извѣстномъ духѣ, непротивномъ ученію Церкви; но еще менѣе грѣхъ—молчать, когда никто не обращается къ вамъ настоятельно съ просьбой разсужденія.

Было время,—лѣтъ десять, пятнадцать тому назадъ,—я еще мечталъ своими статьями сдѣлать какую-то „пользу“... Я вѣрилъ тогда еще наивно, что я *кому слѣдуетъ* „открою глаза“... Вспомните мои *пророчества* о болгаряхъ и сербахъ. Я по-

стоянно оправданъ позднѣйшими событіями, но не своевременной людскою догадкой.

Теперь я разучился воображать себя очень пугнымъ и полезнымъ; я имѣю достаточно основаній, чтобы считать свою литературную дѣятельность если не совсѣмъ уже бесплодной, то, во всякомъ случаѣ, *преждевременной* и потому не могущею вліять непосредственно на теченіе дѣлъ.

„Провидѣнію не угодно, чтобы *предвидѣнія* уединеннаго (одинокого?) мыслителя разстроивали-бы ходъ исторіи посредствомъ *преждевременнаго* дѣйствія на слишкомъ многіе умы“.

Вотъ почему, не обратись вы ко мнѣ съ вопросами, не пришло бы мнѣ и въ голову вернуться еще разъ къ этому, какъ мнѣ казалось, уже исчерпанному мною вопросу о *непонятномъ значеніи и вредныхъ плодахъ той племенной политики, которую обыкновенно называютъ національною*.

Для васъ же собственно, для людей молодыхъ и начинающихъ жить, я готовъ писать съ удовольствіемъ. Я сталъ писать охотно, письмо разрослось въ цѣлый рядъ писемъ... И вотъ—я рѣшился напечатать ихъ.

Быть-можетъ вамъ, юношамъ, удастся то, что мнѣ не выпало на долю,—удастся заставить себя не только внимательно слушать, но и *отчетливо* понимать.

Дай Богъ! И для васъ, *пока еще не многихъ*, но искреннихъ и надежныхъ молодыхъ людей, я буду съ радостью распространяться о томъ, о чемъ много и разсуждать бы, по-настоящему, не слѣдовало,—до того все это ясно *по фактамъ*, по практическимъ результатамъ современной исторіи.

Ясно вотъ что:

„*Движеніе современнаго политическаго націонализма есть ничто иное какъ видоизмѣненное только въ приемахъ распространеніе космополитической демократизаціи*“.

У многихъ вождей и участниковъ этихъ движеній XIX вѣка цѣли дѣйствительно были національныя, обособляющія, иногда даже культурно-своеобразныя, но результатъ до сихъ поръ былъ у всѣхъ и вездѣ одинъ—*космополитическій*.

Почему это такъ, не берусь еще сообразить...

Этотъ вопросъ: *почему?*—вѣрнѣе всего долженъ быть обращенъ къ особой, не существующей, кажется, еще въ отдѣльности наукѣ, которую можно бы назвать *соціальною психологіей*. Я за подобное психологическое объясненіе не берусь; я хочу здѣсь просто напомнить только въ общихъ чертахъ, какъ все это происходило и происходить еще въ наши дни.

Какъ это люди ищутъ одного, а находятъ постоянно совсѣмъ другое? Я намѣреваюсь начертить краткую политическую исторію этого великаго и почти всеобщаго самообмана, но не берусь объяснять тѣ внутренніе душевные процессы (у главныхъ ли политическихъ дѣятелей нашего вѣка, или у цѣлыхъ тысячъ и милліоновъ, ими руководимыхъ),—процессы, которые могли бы дать ключъ къ уразумѣнію этого не только странной, но даже страшной исторіи.

Для меня самого это остается самой таинственной психологическою загадкою, которую разрѣшать только время и упорная, свѣжая мысль.

Политическіе *результаты видны*. Теченіе *событій ясно*, хотя и весьма извилисто. *Причины загадочны...*

II.

Первое по времени движеніе національнаго характера въ XIX вѣкѣ было греческое возстаніе 21 года. Правда, что сербы нынѣшняго княжества еще раньше грековъ возстали противъ султана, но и освобожденіе ихъ было вначалѣ весьма неполное,—и по шуму, и вліянію своему въ Европѣ это движеніе было несравненно ничтожнѣе и безслѣднѣе.

Я не стану говорить ни слова о долгой и геройской борьбѣ православныхъ и полудинковъ въ то время эллиновъ,—я полагаю все это достаточно извѣстнымъ.

Борьба была жестокая и неравная; она потребовала вооруженнаго вмѣшательства державъ и завершилась Наваринской побѣдой Европы надъ Азіей, Забалканскимъ походомъ Дибича и Адрианопольскимъ миромъ въ 29 году. Маленькая, *весь-*

ма оригинальная тогда Эллада достигла ближайшей національной цѣли своей. Не будучи еще въ то время въ силахъ объединить все свое племя *) и освободить его изъ-подъ власти турокъ и англичанъ (на Ионическихъ островахъ), эллины удовольствовались пока небольшимъ свободно-національнымъ государствомъ въ одинъ какой-нибудь миллионъ. Но что же вышло? Большинство эллинофиловъ того времени ждали отъ этихъ возрожденныхъ эллиновъ чего-то особеннаго въ бытовомъ и духовномъ отношеніи. *Ждали и -- ошиблись.*

Творчества не оказалось; новые эллины въ сферѣ высшихъ интересовъ ничего, кромѣ благоговѣйнаго подражанія *прогрессивно-демократической Европѣ*, не сумѣли придумать. Какъ только удалились привилегированные турки, которые изображали собой нѣчто вродѣ чуждой аристократіи въ средѣ грековъ, кромѣ полнѣйшей *плутократической и грамматократической эгалитарности*, ничего не нашлось. Когда вѣтъ въ народѣ *своихъ* привилегированныхъ, болѣе или менѣе неподвижныхъ сословій, то богатѣйшіе и ученѣйшіе изъ гражданъ, конечно, должны брать верхъ надъ другими. Въ строѣ эгалитарно-либеральномъ неизбѣжно развиваются поэтому весьма подвижныя и не имѣющія преданій и наслѣдственности плутократія и грамматократія. Новая Греція не могла тогда вынести царя своей крови,—до того вожди ея, герои *національной свободы*, страдали *демагогическою завистью*! Она, эта новая Греція, не вынесла даже власти *президента* родной греческой крови, графа Каподистріа, и его скоро убили.

На чемъ же она, эта Греція, надолго (и доселѣ) примирилась?—На *короляхъ европейскаго иновѣрнаго* происхожденія, во первыхъ, а во вторыхъ на—*конституціи болѣе либеральной, чѣмъ самыя либеральныя изъ западныхъ.* Греція оказалась даже неспособной имѣть *двѣ палаты*; пробовали учредить какой-то болѣе охранительный *сенатъ*,—не удалось! Всѣ наилиберальнѣйшія государства Запада (въ томъ числѣ и Соединенные Штаты Америки) выносятъ двѣ палаты. Греки (а кстати ска-

*) Милліона 4 или 5.

затѣ и сербы, и болгары) не могли къ этой болѣе консервативной формѣ привыкнуть. Итакъ, если въ главныхъ чертахъ своихъ учрежденій греки (а также и югославяне) разнятся чѣмъ-нибудь отъ Европы, то развѣ тѣмъ, что, *не имѣя великихъ охранительныхъ преданій* (католическихъ, національно-аристократическихъ, не имѣя легитимистовъ, торіевъ, прусскаго юнкерства, польской и мадьярской магнаторіи и т. п.), они еще легче европейцевъ дѣлаютъ во всемъ лишній шагъ—на пути того же *сословнаго осесмысленія*, которое развѣдаетъ Западъ со времени провозглашенія «правъ человека» въ 89-мъ году.

Вообще оттѣнки въ *учрежденіяхъ*, отличающіе новую Грецію отъ Запада, очень ничтожны и не характерны.

Посмотримъ теперь, какъ отозвалась въ Греціи національная свобода на бытѣ и религіи. Бытѣ, положимъ, еще довольно оригиналенъ (смотри «Одиссея», «Аспазію Ламприди» и др. мои повѣсти); но онъ *еще пока* оригиналенъ, кое-гдѣ—благодаря турецкому владычеству, кое-гдѣ—благодаря спасительной дикости и грубости сельскаго и горнаго населенія даже и въ независимой Греціи. Это—оригинальность *охраненія* (*старая*); а не оригинальность *творчества* (*новаго*). Охраненіе же отъ неразвитости, отъ отсталости ненадежно; надежно только созиданіе чего-либо *новаго* или полуноваго высшими, болѣе развитыми классами, за которыми рано или поздно, хотя или нѣхотя, идетъ народъ.

Православіе въ селахъ очень твердо (тверже, пожалуй чѣмъ въ Россіи), но оно неосмыслено, просто, сѣро и не въ силахъ бороться съ аѳинскимъ поверхностнымъ раціонализмомъ.

Греческое духовенство жалуется, что въ Аѳинахъ религія въ упадѣ (значитъ ослабѣло *главное обособляющее* отъ Запада начало); она (религія) гораздо больше даетъ себя чувствовать въ Царьградѣ, чѣмъ въ Аѳинахъ, и вообще подъ туркомъ больше, чѣмъ въ чистой Элладѣ. Есть и анекдоты по этому поводу очень выразительные.

Итакъ, *національно-политическая* независимость у грековъ оказалась вредной и болѣе или менѣе губительной для *независимости духовной*; съ возрастаніемъ первой—падаетъ вторая.

Разумѣтся, духовная зависимость отъ Запада, въ которую впадаютъ современные греки, остывалъ къ православію, не католицизмъ (для искренняго стремленія въ Римъ пужно быть все-таки религіознымъ; надо предпочитать одну мистическую вѣру другой вѣрѣ, такой же мистической и церковной). Греки впадаютъ въ самую обыкновенную общеевропейскую раціоналистическую пошлость... Опять *смѣшеніе*, сближеніе, сходство, *космополитизмъ идей и чувствъ*.

О бытѣ, о жизни общественной не стоить много и говорить. Здѣсь — опять одни отрицательныя отличія. Городской бытъ грековъ—та же Европа, только посуше, поскучнѣе, поглупѣе и т. д. Замѣчу кстати, что въ общественномъ отношеніи есть даже весьма замѣтная разница между фанаріотами и аѳинянами,—*не къ выводу послѣднихъ*: фанаріоты изящнѣе, тоньше, умнѣе въ обществѣ, аѳиняне—нѣсколько пошлѣе.

Со дня освобожденія эллиновъ и образованія независимаго Греческаго королевства (изъ одной только четверти всѣхъ подчиненныхъ чуждой власти грековъ) до 1859 и 60 годовъ ничего особеннаго на почвѣ политическаго націонализма не произошло. Было за это время два національныхъ возстанія: польское 31 года и венгерское 48 года. *Они оба носили аристократическій характеръ, и оба не удались*. Замѣтьте это: эта черта будетъ повторяться.

Въ 1859—60 годахъ совершилось освобожденіе и объединеніе Италіи. Наполеонъ III, *воображая*, что создаетъ для Франціи вѣчнаго союзника, достаточно сильнаго, чтобы быть полезнымъ, и достаточно слабаго, чтобы не быть опаснымъ, — побѣдилъ Австрію, по захотѣлъ остановиться на полдорогѣ; оставивъ Австріи всю Венецію (область), онъ держалъ въ Римѣ войско для защиты свѣтской власти папы и т. д. Эти мѣры его не привели ни къ чему. Повидимому, онъ были еще *слишкомъ консервативны*; онъ *недостаточно служили* процессу *элитарнаго всесмѣшенія и всеплоскости*. Викторъ-Эммануиль и Кавуръ обманули хитраго Наполеона посредствомъ весьма сложнаго приема. На югѣ Италіи Гарибальди завоевалъ Неаполитанское королевство и изгналъ *древнихъ охранителей Бурбо-*

новъ. На сѣверѣ сардинскія войска разбили войска папы и огняли у него часть территоріи; въ Тосканѣ и другихъ мѣстахъ произошло подстрекаемое Пьемонтомъ *народное движеніе* въ пользу объединяющей короны Виктора-Эммануила, и въ очень короткое время объединилась вся Италія, за исключеніемъ части Папской области съ Римомъ и Венеціанской области, оставшейся пока у Австріи. Черезъ 6 лѣтъ (въ 66 году) эта почти объединенная Италія заключаетъ союзъ съ Пруссіей противъ Австріи и получаетъ въ награду Венеціанскую область. И, замѣьте, опять какимъ сложнымъ путемъ: итальянцы разбиты на голову австрійцами при Лиссѣ и Кустоццѣ; но союзныя имъ прусскія войска въ это же время стоятъ уже подъ Вѣной. Въ порывѣ отчаянія Францъ-Іосифъ, желая освободить для защиты Австріи тѣ свои войска, которыя должны дѣйствовать въ Италіи, даритъ по телеграфу Венеціанскую область Наполеону III. Италія этимъ парализована, ибо Наполеонъ отдаетъ немедленно эту территорію Виктору-Эммануилу, и война въ той сторонѣ останавливается. Пруссія также прекращаетъ военныя дѣйствія на сѣверѣ Австріи (она боится, между прочимъ, того, чтобы Франція не вмѣшалась со свѣжими силами въ борьбу). Миръ заключенъ. Но какъ?—Все въ томъ же направленіи *племеннаго объединенія*, влекущаго за собою *большое однообразіе какъ въ самой объединенной средѣ, такъ и по отношенію сходства съ сосѣдними государственными обществами.* Силенъ ли или слабъ былъ прежній германскій союзъ съ двумя большими державами во главѣ (Австріей и Пруссіей)—это другой вопросъ; *но онъ былъ въ высшей степени оригиналенъ, то-есть истинно націоналенъ* и по внутреннему политическому устройству, и по внѣшней политической роли, и въ особенности по общественнымъ, бытовымъ формамъ. Пруссія не отнимаетъ ни пяди земли у Австріи (она бережетъ ее на всякій случай, особенно противъ будущаго славянскаго объединенія); она только по мирному договору изгоняетъ ее изъ стараго Германскаго Союза и образуетъ новый, *болѣе чистый, болѣе племенной.* (Австрія перестрила его, такъ сказать, своимъ участіемъ въ немъ). Пруссія,

въ разной степени подчиняя себѣ государства сѣвера и заключая секретные (до поры до времени) договоры съ нѣмецкими государствами юга (Баваріей, Вюртембергомъ и Баденомъ), почти уже тогда объединяетъ все германское племя, за исключеніемъ 8 милліоновъ австрійскихъ нѣмцевъ и Эльзасъ-Лотарингіи (дѣйствительно нѣмецкихъ и отторгнутыхъ прежде Франціей).

Настаетъ 1870-й годъ. Франція побѣждена; Австрія парализована угрозами Россіи, которая основательно хотѣла представить дѣло судьбамъ единоборства.

Объединеніе германскаго племени сдѣлало еще огромный шагъ: Эльзасъ-Лотарингія отвоевана, внутренній союзъ тѣснѣе, прусскій король избранъ императоромъ всей Германіи.

Итальянское правительство, пользуясь разгромомъ Франціи, тоже угрожаетъ своей освободительницѣ, и *французскія войска уходятъ изъ Рима, предоставляя папу его судьбѣ*. Итальянскія войска вступаютъ въ Римъ послѣ незначительной стычки — и, какъ прекрасно выразился Данилевскій, „всемирный городъ римскаго первосвященника обращенъ въ столицу неважнаго государства!“

Объединеніе Италіи и Германіи теперь почти окончено. Италіи остается приобрѣсти еще лишь небольшой клочокъ отъ Австріи (признаюсь, забылъ, какъ даже онъ и называется). Германіи остается присоединить 8 мил. австрійскихъ нѣмцевъ и, пожалуй, наши Остзейскія провинціи, ибо если на нашей, Русской, сторонѣ, такъ сказать, идея *демократическая*, право *этнографическаго большинства* (эсты и т. п.), то на сторонѣ нѣмцевъ идея высшая (*культурная и аристократическая*) въ этомъ вопросѣ. Когда *настоящее*, искреннее православіе сдѣлаетъ въ этомъ краѣ дѣйствительно большіе успѣхи, тогда на нашей сторонѣ будетъ право еще болѣе высшаго порядка; а пока, разумѣется, одинъ Остзейскій породистый баронъ самъ по себѣ стоить цѣлой сотни эстскаго и латышскаго разночинства. *Пока* мы еще въ Остзейскомъ краѣ служимъ все той же системѣ всеобщаго уравнинія. Все это такъ, я желаю говорить правду; но Германія, въ виду русской силы

и панславизма съ одной стороны, оберегаетъ Австрію и не спѣшитъ отнять у нея ея нѣмцевъ; а съ другой, въ виду той же опасной русской силы, она при жизни Бисмарка не позволить себѣ воевать съ Россіей изъ-за одного Прибалтійскаго края, это было бы слишкомъ глупо. Нападеніе на Остзейскій край можетъ быть *результатомъ* войны, одной изъ ея случайностей; но не будетъ *ея причиной* до тѣхъ поръ, пока нѣмцы управляются умными людьми.

Таковы факты международной внѣшней политики. Но что же мы видимъ во внутренней жизни всѣхъ перечисленныхъ народовъ и государствъ, которые боролись передъ глазами нашими съ 1859 до 89 года? (Я пропускаю здѣсь нашу войну съ Турціей, которая была тоже больше племенного, чѣмъ религіознаго или чисто-государственнаго характера, о ней надо говорить особо.)

Всѣ эти націи, всѣ эти государства, всѣ эти общества сдѣлали за эти 30 лѣтъ огромные шаги на пути элитарнаго либерализма, демократизаціи, равноправности, на пути внутренняго смирненія классовъ, властей, провинцій, обычаевъ, законовъ и т. д. И въ то же время они всѣ много „преуспѣли“ на пути большаго сродства съ другими государствами и другими обществами. Всѣ общества Запада за эти 30 лѣтъ больше стали похожи другъ на друга, чѣмъ были прежде.

Мѣстами больше противъ прежняго крупная, а мѣстами больше противъ прежняго чистая группировка государственности по племенамъ и націямъ есть поэтому ничто иное какъ поразительная по силѣ и ясности своей подготовка къ переходу въ государство космополитическое, сперва всеевропейское, а потомъ быть-можетъ и всемірное!

Это ужасно! Но еще ужаснѣе по-моему то, что у насъ въ Россіи до сихъ поръ никто этого не видитъ и не хочетъ понять...

„Кто хорошо распознаетъ болѣзнь, тотъ хорошо ее лѣчитъ“, говорить старая медицинская поговорка...

Попытаемся же скорѣе, пока еще не поздно, распознать внимательно и смѣло тотъ недугъ, которымъ страдаетъ Западъ; попытаемся распознать его во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ и нерѣдко обманчивыхъ формахъ...

И тогда только, когда мы, съ трепетомъ пророческаго страха за свою дорогую родину и съ мужествомъ неизмѣнной рѣшимости, взглянемъ печальной истинѣ прямо въ глаза, тогда только мы будемъ въ силахъ судить, во первыхъ, не болѣемъ ли и мы, русскіе, тою же таинственной и сложною болѣзнью, которая губить западную Европу—*неорганически*, такъ сказать, *все оъ ней равняя*,—а во вторыхъ—далеко ли зашло у насъ это самое разложеніе и есть ли намъ надежда на исцѣленіе — и *какъ*, и *когда*?

Вѣдь и у насъ на востокѣ Европы идея либеральнаго панславизма тлѣетъ подъ пепломъ... Какъ съ ней быть? И отказаться намъ отъ нея невозможно, невыгодно, и опасаться ее необходимо по аналогіи.

Поэтому прежде всего, я говорю, *надо внимательно и подробно прослѣдить эту племенную идею во всѣхъ ея проявленіяхъ*.

III.

Поговоримъ теперь подробнѣе объ Италіи и о тѣхъ плодахъ, которые созрѣли въ этой классической странѣ на почвѣ *національной политики*.

Италія еще въ 1-й половинѣ этого вѣка славилась и своеобразиемъ, и разнообразіемъ своимъ. Близкая по племенному составу и языку къ Франціи и Испаніи, она весьма рѣзко отличалась отъ нихъ законами, духомъ, нравами, обычаями и т. п. Добродушная патріархальность и дикая жестокость, безпорядокъ и поэзія, наивность и лукавство, пламенная набожность и тонкій развратъ, глубокая старина и всышки крайне революціоннаго духа — все это сочеталось тогда въ жизни развѣдической и отчасти поработченной Италіи самымъ оригинальнымъ образомъ. И кого же она тогда не вдохновляла?!

Байронъ, гениальнымъ инстинктомъ прозрѣвавшій грядущее демократическое опошленіе болѣе цивилизованныхъ странъ Европы, бѣжалъ изъ нихъ въ запущенные сады Испаніи, Италіи и Турціи,—тамъ ему дышалось легче!